

Защита имущественных интересов граждан и организаций в годы Великой Отечественной войны (на материалах Южного Урала)

А. А. Аполовников

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия. a_ancifer@mail.ru

**Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта № 19-09-00185.**

Рассмотрены особенности борьбы с незаконными посягательствами на имущество физических и юридических лиц на Южном Урале в годы Великой Отечественной войны. Нарушение правил советской торговли объясняется дефицитом предметов первой необходимости, вызванным перестройкой народного хозяйства региона на военный лад и большим притоком эвакуированных и беженцев. Положение Челябинской области, как ключевого железнодорожного узла повлияло на значительное увеличение интенсивности передвижения поездов гражданского и военного назначения. Резко возросший и недостаточно контролируемый грузо- и пассажиропоток стал одним из ключевых факторов преступных действий в отношении имущества как физических, так и юридических лиц. Показана работа местных органов власти, направленная на профилактику, устранение причин и противодействие спекуляции, а также иных видов экономических деликтов. Сделан вывод о том, что объем соответствующих задач специальных служб во время войны значительно превышал их возможности.

Ключевые слова: *Великая Отечественная война, Южный Урал, спекуляция, преступные посягательства, имущественные интересы, противодействие незаконным торговым операциям.*

Великая Отечественная война стала серьезным вызовом и тяжелым испытанием для всего советского народа. Именно в это время Южный Урал становится новым домом для сотен тысяч эвакуированных. В 1939 г. — численность населения составляла 2703,2 тыс. человек, в 1942 г. — 3558,4 тыс. человек [Корнилов, 1993, с. 22; Население Урала..., 1996] (данные приведены в границах соответствующего периода). Увеличение численности населения было обусловлено эвакуационными процессами: по данным на 10 февраля 1942 г. на территории Челябинской области находилось 427,7 тыс. эвакуированных [Потемкина, С.145; «Выковыренные»..., 2016]. Такой прирост создал предпосылки для скупки товаров первой необходимости с целью их последующей перепродажи, как «с рук в домашних условиях», так и на рынках, в ларьках.

В годы войны это сыграло важную роль в вопросе установления общественного контроля за распределением жизненных благ.

Тем не менее до недавних пор историки не уделяли данной теме должного внимания. Ее научное осмысление связано с «перестроечными» процессами в нашей стране. Пионерами выступили зарубежные ученые. В. Москофф свою монографию «Хлеб скорби» посвятил продовольственному

обеспечению в воюющем СССР [Moskoff, 1990]. В книге содержится комментарий к решению Всесоюзного Центрального Совета Профессиональных Союзов от 1 февраля 1943 г., направленному на усиление борьбы с воровством и разбазариванием продовольственных и промышленных товаров. Сообщалось о вербовке свыше полумиллиона общественных контролеров, которые должны были следить за деятельностью пунктов питания, магазинов, складов и баз, а также подсобных хозяйств предприятий. Результативность их действий автор оценил не высоко, назвав информаторов фанатиками режима, а всех остальных — страдальцами, которые соблюдали «заговор молчания» и воровали не из корысти, а потому что голодали и хотели выжить [Moskoff, 1990].

В российской историографии сюжет о системе мер, предпринятых профсоюзными активистами для противодействия расхитителям из числа руководителей и обслуживающего персонала ОРСов¹, впервые затронула М. С. Зинич

¹ ОРСы — Отделы рабочего снабжения. Были созданы в декабре 1932 г. на предприятиях тяжелой, легкой и лесной промышленности. Для улучшения быта персонала они использовали централизованные товарные поставки, коммерческие закупки, продукцию собственных подсобных хозяйств и мастерских. Новый импульс

[Зинич, 1994]. Соответствующие инструкции были разосланы на места Всесоюзным центральным советом профессиональных союзов (ВЦСПС) 4 мая 1942 г. Общественные контролеры осуществляли рейды и проверки, по итогам которых выносились постановления и готовились обращения в прокуратуру. С их помощью удалось вскрыть серьезные нарушения в системе ведомственной торговли в Узбекистане, Горьковской, Кировской, Пензенской, Ярославской и других областях.

Подробная информация о проблемах и достижениях в сфере противодействия хозяйственной преступности содержится в статьях А. В. Старкова [Старков, 2020], А. А. Пасса [Пасс, 2019а; Пасс, 2019b]. Из анализа упомянутых публикаций можно сделать вывод о том, что механизм защиты имущественных интересов граждан и организаций от преступных посягательств в Челябинской области в годы Великой Отечественной войны на сегодняшний день освещен в самых общих чертах и нуждается в дальнейшем исследовании.

В методологическом плане автор предпринял попытку соединения описательности и аналитики в рамках неинституционального подхода, который позволяет рассмотреть функционирование правоохранительных органов и государственных структур сквозь призму совокупности легальных и теневых контрактов, способных гармонизировать интересы и устремления различных групп населения. Применение такого метода исторического познания как *case-study* дало возможность через детальное отображение отдельных случаев и событий приблизиться к пониманию сущности исторических процессов, происходящих в конкретной подсистеме общества.

Факторами, спровоцировавшими рост преступлений экономического характера в экстремальных условиях военного времени, стали: сокращение производства предметов бытового потребления, увеличение численности населения в промышленных центрах советского тыла за счет прибытия эвакуированных, рост цен на колхозных рынках как следствие дефицита продовольствия, введение карточного снабжения.

Уже в первые дни войны секретарь обкома по легкой и местной промышленности В.В. Кузьмин в справке о состоянии торговли в области в дни мобилизации от 28.06.1941 г. докладывал секретарю Челябинского обкома ВКП(б) Г. Д. Сапрыкину о том, что резко повысился спрос на соль, муку, мыло хозяйственное, туалетное, спички, керосин,

к развитию получили в годы Великой Отечественной войны. Именно через них осуществлялось обеспечение населения, занятого в стратегически значимых отраслях.

хлебобулочные изделия; товароборот по ним вырос в 10-12 раз¹.

Нормы снабжения по карточкам снижались в Челябинской области дважды: в 1942 году и в 1943-м — в связи с неурожаем, из-за оккупации врагом больших территорий на западе страны. Многие семьи голодали. Как следствие войны и вызванного ею продовольственного дефицита расцвела спекуляция, хищения. [Гусак, 2007, с. 76].

Спекуляция стала одним из самых распространенных преступных деяний военного времени. Под спекуляцией подразумевалось скупка и перепродажа частными лицами в целях наживы продуктов сельского хозяйства и предметов массового потребления [УК РСФСР, 1926, ст. 107]

Еще 14 ноября 1941 г. прокурор области П. В. Ефимов в связи с наплывом в Челябинск голодных и раздетых эвакуированных спрашивал у руководителей Наркомата юстиции о том, как быть со спекулянтами, ведь цены на рынке умопомрачительны: «В отдельных районах и городах нашей области исполкомы районных и городских Советов депутатов трудящихся выносят решения об установлении предельных цен на продукты для продажи на колхозном рынке. Такие решения приняты в городах Златоусте, Магнитогорске, Касли, Уфалейском районе. Эти решения явно противоречат требованиям ст. 9 постановления ЦИК и СНК СССР от 20 мая 1932 года, согласно которой продажа продуктов на колхозном рынке должна производиться по ценам, складывающимся на рынке. Следует отметить, что установление цен на рынке пока положительных результатов не дало. Наоборот, замечается сокращение привоза на рынке, а в связи с этим и образование больших очередей. Учитывая это, мной предложено прокурорам опротестовать принятые решения об установлении предельных цен. Но вместе с этим считаю ненормальным и беспрерывный, безостановочный процесс вздутия цен на рынке, в силу чего не представляется возможным приобрести продукты по таким ценам, как например, масло: 120—150 рублей килограмм, мясо 50—60 рублей, молоко 11—12 рублей литр. Поэтому, естественно, назрела необходимость разрешения вопроса об урегулировании цен на рынке и принятии определенных мер борьбы со стихийным их ростом. Сообщая об этом Вам, прошу ответить, как поступать в дальнейшем с попытками местных органов власти устанавливать предельные цены на продукты на колхозном рынке, с одной стороны, и с другой — какие меры принимать со вздутием цен? Нельзя ли этот вопрос разрешить

¹ ОГАЧО. Ф. 288. ОП. 4. Д. 353. Л. 9.

в порядке постановления на обсуждение перед законодательными и правительственными органами». [Гусак, 2007, с. 76—77].

Даже в жесткое военное время предлагалось применять подобные экономические меры. И это объяснялось опасением, что регулирование цен на рынке лишит людей, оказавшихся в тяжелейшей жизненной ситуации, возможности приобрести необходимые им товары даже за суммы, в разы превышающие их прежнему стоимости. Уже вскоре после начала войны в районах массового сосредоточения эвакуированных получили распространение спекулятивные практики: повсеместно осуществлялась торговля талонами на питание, продовольственными карточками, стахановскими пропусками в столовую с усиленными обедами.

Делопроизводственные документы содержат множество примеров выявления спекулянтов милицией. Вот некоторые из них:

- «1) Галимов Газим, нигде не работающий, спекулировал мукой, крупой, другим продовольственными товарами. У него изъято 11 пудов муки, 24 кг Крупы, 26 метров мануфактуры и другое. Арестован.
- 2) Продавец продовольственного ларька г. Челябинска Воронин М. Т. отпустил в одни руки мешок сахара весом 84 кг и три мешка крупы-пшеницы весом 240 кг. По этому делу задержаны Новиков С. И. и Дергунов Г. И. за скупку товаров сверх всякой необходимости.
- 3) Миронец А. А. скупил 11 кусков мыла и спички, на квартире у нее обнаружено 12 пудов муки, 81 кг сахара, 50 коробок спичек, 10 кг печеного хлеба, 8 кг соли, 8 кг пшеницы»¹.

Сообщалось также о профилактических мерах, которые предпринимались для противодействия спекуляции. Партийными организациями организовывались беседы с населением о торговле продуктами питания и другими товарами, проводились собрания с заведующими магазинами и продавцами о соблюдении норм продажи в одни руки. В целях контроля к магазинам были прикреплены коммунисты, комсомольцы и депутаты советов. В обкоме партии уже 25 июня было проведено совещание с руководителями милиции, прокуратуры, суда, торговле, отделом продовольственного снабжения, горсовета по вопросам организации торговли. Районным комитетам были даны указания по усилению партийно-массовой работы с населением и борьбы со скупщиками. В результате, уже к концу июня покупательский

ажитаж удалось сбить, что зафиксировано в одном из документов: «26—28 июня в сельскохозяйственных районах у работников повышенного спроса не наблюдалось»².

Проблемой спекуляции непосредственно занимались правоохранительные органы. На совещании работников юстиции, прокуратуры и милиции 21.10.1941 г., посвященном борьбе со спекуляцией в условиях военного времени, было отмечено снижение количества подобных преступлений: если в июле в статистику попали 82 дела; то в августе зафиксировано 70 случаев, а в сентябре всего 36. Но причиной этого стали не успехи стражей порядка и не раскаяние спекулянтов, а изменение последними тактики «торговли». Они стали разворачивать свою деятельность вне пределов рынка, в частности, на квартирах, высылая на рынки своих агентов — детей, подростков.

Например, гражданин Бобылев с июля по август 1941 г., заработал 8 тысяч рублей на спекулятивных операциях: скупал по низкой цене пшеницу, молот муку и продавал по 150 рублей пуд. На эти средства покупал различную технику. В частности, приобрел мотоцикл за 4700 рублей, а продал его за 8 тысяч рублей. Деньги отправил в Москву, на приобретение промтоваров. 20 августа 1941 г. Бобылев был осужден в Кургане и получил 5 лет лишения свободы с конфискацией имущества³.

В январе 1942 г. был привлечен к 7 годам лишения свободы за спекуляцию Жамнисаров, бывший колхозник одного из колхозов Курганской области. Разъезжать по городам и селам Челябинской области ему позволяла выданная в 1939 г. справка правления колхоза, в котором он ранее состоял. В справке говорилось о том, что он отпущен на отхожие промыслы⁴.

В докладе указывалось на неудовлетворительную работу и недостаточное использование добровольцев-общественников из групп содействия милиции⁵. Подчеркивалось также, что наряду с лицами, которые превратили незаконную торговлю в постоянный промысел, были и те, кого занимать спекуляцией вынуждали тяжелые жизненные обстоятельства.

Эта проблема привлекла внимание городского партийного комитета. 29—30 декабря 1941 г. на совещании по вопросу об устранении недостатков в бытовом обслуживании трудящихся города секретарь ОК ВКП(б) Баранов сообщал о взвинчивании цен на рынках на товары народного по-

¹ ОГАЧО. Ф. 288. ОП. 4. Д. 353. Л. 10.

² ОГАЧО. Ф. 288. ОП. 4. Д. 353. Л. 11.

³ ОГАЧО. Ф. 1041. ОП. 5. Д. 2. Л. 178.

⁴ Челябинский рабочий от 15.01.1942 г.

⁵ ОГАЧО. Ф. 1041. ОП. 5. Д. 2. Л. 176.

требления, бездействию работников милиции, отсутствию организации торговли и борьбы со спекулятивным элементом со стороны администрации рынков. «Все это говорит о вопиющем безобразии», — резюмировал он¹. Рост цен в 2 — 4 раза объяснялся трудностями с подвозом продуктов на рынок. На селе все имеющиеся в наличии транспортные средства направляли на хлебозаготовки. Управление колхозной торговлей осложнялось отсутствием транспорта, ведь на 2 машинах невозможно перевозить продукты в необходимых объемах. По мнению Баранова нужно было автопарк промышленных предприятий².

Сами рынки нарушали свои обязательства по договорам с сельхозартелями и не организовывали должным образом встречную торговлю изделиями ширпотреба. В докладной записке секретарю Магнитогорского горкома партии Мамоненко заведующий местным отделением Госбанка Подкопаев сообщал о том, что к 15 апреля 1942 г. управлением рынков заключено договоров с колхозами на 11 219 т.р., а исполнено лишь 652 т.р., причем эти сведения до райкомов и райисполкомов не доводились. В продаже совершенно отсутствовали ведра, шорные изделия, рабочая обувь, топоры, лопаты, мотыги, грабли, посуда, керосин и т. д., а также предметы культурного назначения и канцелярские принадлежности. Резко возрос объем товарообменных операций, при сокращении продаж за наличные деньги. Обмен производился исходя из эквивалента: пара простых сапог за 3,5—4 пуда муки; пара хромовых сапог за 5—6 пудов муки; 3—4 метра мануфактуры за 100—120 кг картофеля. Подкопаев констатировал, что организованная для колхозников столовая обслуживала всех посетителей рынка. По мнению автора документа, требовалось неотложное вмешательство ГК ВКП(б).

Для решения выявленных проблем были внесены следующие предложения:

1. «Предусмотреть в производственно-финансовых планах колхозов на 1942 г. определенное количество продукции для вывоза на рынок.
2. Организовать пункты скупки в прилегающих к городу районах. Для перевоза продуктов из Агаповского района можно использовать пригородный поезд, из других районов — транспорт предприятий и учреждений города.
3. Предусмотреть в управлениях рынков штатную должность уполномоченного по заготовкам.
4. Довести отоваривание до 40-50% за счет привлечения товаров местного производства

¹ ОГАЧО. Ф. 92. ОП. 5. Д. 4. Л. 131.

² ОГАЧО. Ф. 92. ОП. 5. Д. 4. Л. 132.

(в местпроме и промкооперации предусмотреть целевой выпуск изделий для колхозной торговли). Предполагалось, что за счет повышения процента отоваривания непременно произойдет снижение цен.

5. Обязать трест столовых, Магнитоторг, Мясокомбинат и Дом Колхозника организовать необходимое количество столовых и закусовых, места ночлега и отдыха колхозников³.

Несмотря на соответствующие усилия правоохранительных органов, положительная динамика по борьбе с перекупщиками наблюдалась не везде. В докладной записке наркому юстиции РСФСР Балавину И. А «Об итогах изучения судебной и кассационной практики работы народных судов Челябинской области по делам о спекуляции за II-е полугодие 1943 г.» от 01 марта 1944 г. начальник УНКЮ РСФСР по Челябинской области Токарева сообщает: «Если во второй половине 1942 г. по статье 107 УК РСФСР поступило 377 дел, то в первой половине 1943 г. — это количество снизилось на 39,5 %, а во втором полугодии 1943 г. еще — на 36 %»⁴.

Однако приведенные цифры не отражали реальную картину. И вот почему. В ряде районов и городов органы прокуратуры и милиции сосредоточились на выполнении другой задачи. Постановление ГКО от 22 января 1943 г. главным направлением деятельности судебно-следственных органов определило борьбу с хищениями и разбазариванием государственного и колхозно-кооперативного имущества, совершенными с использованием служебного положения. В ходе его выполнения к апрелю 1944 г. в СССР были арестованы и осуждены 264 759 казнокрадов, против которых завели 172 114 уголовных дел — это 2/3 от их общего количества. В бюджет вернули свыше 360 млн руб. и 13 600 т различных продуктов [Пасс, 2020]. Поэтому не удивительно, что за второе полугодие 1943 г. в 12 судебных участков Челябинской области не поступило ни одного дела по статьям 107 и 105 УК («спекуляция» и «нарушение правил торговли»), а в 36 участках рассматривалось от 1 до 3 дел⁵ (см. табл. 1):

Характерно, что 22 % всех товаров, которые предназначались для переработки, были приобретены путем злоупотребления служебными полномочиями. К остальным источникам приобретения товара относились покупка у частных лиц (64 %) и отоваривание карточек (14 %)⁶. Социальный состав лиц, привлечённых за спекуляцию,

³ ОГАЧО. Ф. 234. ОП. 16. Д. 74. Л. 74—75.

⁴ ОГАЧО. Ф. 1041. ОП. 5. Д. 5. Л. 88.

⁵ ОГАЧО. Ф. 1041. ОП. 5. Д. 5. Л. 88.

⁶ ОГАЧО Ф.1041. ОП. 5. Д. 5. Л.89.

Таблица 1

**Количество выявленных органами прокуратуры и милиции
Челябинской области преступлений за спекуляцией и нарушения правил торговли
за второе полугодие 1943 г.**

Показатели	ст. 107 УК	ст. 105 УК
Единичные	29 (49,1 %)	24 (47,1 %)
Систематические	30 (50,9 %)	27 (52,9 %)

Источник: ОГАЧО. Ф. 1041. ОП. 5. Д. 5. Л. 89.

был следующим: рабочие 38,2 %, служащие 15,4 %, иждивенцы 12,7 %, пенсионеры 4,5 %, прочие 29,2 % (неработающие, непрописанные и т. д.). Интересно, что ни колхозников, ни единоличников среди выявленных спекулянтов не было¹. Изучены дела, в основном нарсудов промышленных районов. Членов семей военнослужащих — 13 человек (11,8 %) инвалидов Отечественной войны — шестеро (5,5 % — это люди, неоднократно занимавшиеся спекуляцией, но не привлекавшиеся ранее к уголовной ответственности). Сроки расследования оказались затянуты: дела, рассматриваемые до 20 дней, составляли — 36,2 %, свыше 1 месяца — 33 %².

Зачастую расследование подобных дел проводилось поверхностно. Органы следствия не выявляли источников приобретения товаров обвиняемыми, не привлекали к ответственности конкретных лиц, способствовавших совершению преступлений³.

Зачастую органы следствия не выявляли источников приобретения товаров обвиняемыми, не привлекали к ответственности конкретных лиц, способствовавших совершению преступлений⁴. Опись и арест имущества, как правило, не производились. В подготовке заседаний прокуроры принимали участие в 72,3% случаев, тогда как их присутствие считалось обязательным. Итоговая картина рассмотрения дел в судебных заседаниях представлена в табл. 2.

Оправдательные приговоры по данной категории дел выносились правильно, следовательно, значительное количество лиц были привлечены к уголовной ответственности неосновательно. Например, Бесчастная А.Д. и ее отец Панковский Д.Л. привлекались по ст. 107 УК за то, что они «имели чрезмерный запас продуктов питания: муки — 55 кг, сухарей 91 кг, пшеница 20 кг, риса 4,5 кг, масла 6 кг, мануфактуры 63 метра». Материалами дела не было установлено, что продукты хранились с целью перепродажи. У Бесчастной

имелось двое детей, муж находился на фронте. Ее осудили на 8 лет, отец получил 5 лет. Определением судебной коллегии Областного суда дело по жалобам осужденных производством было прекращено. В общей сложности, по данной категории дел 78 % осужденных подверглись наказанию в виде ограничения свободы от 5 лет и выше, 22 % — осуждены условно [Пасс, 2020].

Прокуратура принимала участие менее чем в половине судебных заседаний (46,7 %), что является неудовлетворительным показателем. За 2-е полугодие 1943 г. всего было опротестовано 6 приговоров (10,1 %), тогда как Областным судом по жалобам осужденных отменено, прекращено и изменено 39 приговоров. Очевидно надзорные органы недостаточно осуществляли проверку законности и правильности выносимых вердиктов.

Кассационная практика областного суда свидетельствовала о том, что первоначальные приговоры, которые были оставлены в силе после рассмотрения, составляли лишь 34,8 %. По остальным мера наказания снижалась (8,7 %); дело переквалифицировалось (20,3 %); приговор отменялся за мягкостью (1,4 %), либо со стадии судебного (7,3 %) или предварительного расследования (8,7 %). Зачастую (18,8 %) дело и вовсе прекращалось за недоказанностью и отсутствием состава преступления⁵.

Нужно отметить вред формального, необдуманного, а порой и безразличного подхода к обеспечению наиболее уязвимого слоя населения, а именно инвалидов Отечественной войны в Челябинской области. Объективно это приводило к росту спекулятивной торговли на Южном Урале, которая де-факто становилась единственным способом их выживания. В докладной записке Председателю Комиссии партийного контроля (КПК) при ЦК А. А. Андрееву и секретарю Челябинского ОК Н. С. Патоличеву «О трудовом устройстве и бытовом обслуживании инвалидов Отечественной войны в Челябинской области» от 11 января 1945 г. говорилось, что нередко им в качестве оказания материальной помощи выдаются вещи, в которых они не нуждаются. Тем самым инва-

¹ ОГАЧО. Ф. 1041. ОП. 5. Д. 5. Л. 91

² ОГАЧО. Ф. 1041. ОП. 5. Д. 5. Л. 92

³ ОГАЧО. Ф. 1041. ОП. 5. Д. 5. Л. 93

⁴ ОГАЧО. Ф. 1041. ОП. 5. Д. 5. Л. 93

⁵ ОГАЧО. Ф. 1041. ОП. 5. Д. 5. Л. 99.

Таблица 2

Результаты рассмотрения уголовных дел о преступлениях за спекуляции и нарушения правил торговли

	ст. 107			ст.105		
	Осуждено	Оправдано	Прекращено	Осуждено	Оправдано	Прекращено
2 полугодие 1942 г.	263	69 (19,9 %)	14 (4,1 %)			
1 полугодие 1943 г.	199	25 (10,5 %)	13 (5,4 %)	86	5 (5,3 %)	3 (3,2 %)
2 полугодие 1943 г.	185	29 (17,5 %)		68	5 (6,7 %)	1 (1,5 %)

Источник: ОГАЧО. Ф. 1041. ОП. 5. Д. 5. Л. 94.

лиды поощряются к спекуляции. Так, увечным одиноким мужчинам Кировский райсобес систематически направлял детскую и женскую одежду и обувь¹. Аналогичные факты зафиксированы в Златоусте, Магнитогорске, Копейске, Троицке. Среди причин — слабое привлечение инвалидов к труду, неудовлетворительная организация обучения их новым профессиям. В докладной записке констатируется, что в Златоусте из 84 нетрудоустроенных инвалидов III группы 42 человека занимаются спекуляцией, в Магнитогорске из 57 — 18 человек. В Копейске из 45 инвалидов III группы таковых большинство и в Челябинске — около 100. В 1944 г. за уклонение от трудоустройства было снято с пенсии 171 демобилизованных по ранению бывших военнослужащих².

Автор записки и. о. заместителя уполномоченного Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) по Челябинской области Евдокимов предлагал выделить дополнительные фонды нормированных промышленных и продовольственных товаров для дополнительного снабжения работающих инвалидов Отечественной войны независимо от получения основных карточек по месту работы. Напротив, неработающих инвалидов лишить мясожировых продуктов по заключению местных органов собесов³.

Война поменяла характер и облик преступности, это напрямую коснулось и Южного Урала, особенно из-за значительного притока беженцев. В связи со статусом Челябинской области как значимого железнодорожного узла через ее территорию проходило огромное количество поездов гражданского и военного назначения. Сюда прибывали не только эвакуированные предприятия и их персонал. Встречались также дезертиры из армии и с военных заводов. Именно они, прячась в различных укромных местах и находясь на неле-

гальном положении, объединялись в преступные группировки, занимались кражами, грабежами, разбоями и другими тяжкими преступлениями. Немалое количество маргинальных элементов, которые посягали на собственность физических лиц, находилось среди кочующих цыган. С учетом этого Главное управление милиции НКВД СССР 9 мая 1942 года издало директиву «Об организации активных мер по борьбе с уголовными проявлениями, совершаемыми дезертирами и другими уголовными преступниками» [Гусак, 2007, с. 53].

В сентябре 1942 года в Мокроусовском районе Челябинской области удалось ликвидировать группу из числа 10 человек, которую возглавлял цыган Васильев, 1910 года рождения, в прошлом судимый за скотокрадство и мошенничество, а с начала войны укрывавшийся от призыва в действующую армию. Шайка совершала преступления на территории Свердловской, Омской и Челябинской областей, при ее ликвидации было изъято пять лошадей, четыре коровы, овцы и большое количество наворованного имущества колхозников. [Гусак, 2007, с. 53]

Мероприятия, проводимые спецслужбами, не всегда приводили к успеху. Так, в докладной записке Прокурора Челябинской области Шляева Прокурору Союза ССР Бочкову от 16 апреля 1943 г. о выполнении приказа от 3 февраля 1943 г. за № 6 с. «О постоянном надзоре за неуклонным выполнением законов, охраняющих интересы защитников Родины» [Обзор важнейших..., 1945], говорится, что прокуратурой города Златоуста произведена проверка отдела гособеспечения и бытового обслуживания семей военнослужащих. Установлен ряд нарушений. Например, по городу Златоусту на 1 апреля 1943 года подлежат выплате пособия в сумме 59 436 рублей, фактически же проведено только 37 445 рублей. По этому вопросу и другим недочетам в работе вновь организованных отделов города Златоуста написаны представления в райисполкомы.

¹ ОГАЧО.. Ф. 297. ОП. 2. Д. 819. Л. 6.

² ОГАЧО. Ф. 1041. ОП. 5. Д. 5. Л. 7.

³ ОГАЧО. Ф. 1041. ОП. 5. Д. 5. Л. 9.

Прокуратурой Советского района Челябинска предан суду деньгоносец Соколова за растрату пособия в сумме 6600 рублей. Она осуждена к 5 годам лишения свободы. В Варненском районе привлечен к уголовной ответственности начальник райконторы связи Чирков Н. Н. по ст. 111 УК («халатность») за задержку выплаты пособия семьям военнослужащих [Вишня, 2009, с. 96—97].

Желание нажиться за счет других, поддаться корысти, получить нетрудовые доходы приводило некоторых неустойчивых в моральном отношении личностей к роковым поступкам. Например, диспетчер Южтяжстроя Кузякин, коллективом рабочих был уполномочен закупать семена для индивидуальных огородов. Получив 10 тыс. руб., собранных рабочими для этих целей, он более половины суммы пропил вместе с помощником начальника цеха Нихоношиным, а затем дезертировал с завода, но был задержан и заключен под стражу. Событыльников предали суду Военного трибунала войск НКВД. [Дезорганизаторы..., 1943, С. 3]

Много усилий сотрудники правоохранительных органов прилагали для борьбы с бандитами. В октябре 1942 г. была убита огородный сторож подсобного хозяйства Магнитогорского металлургического комбината Лактионова¹. С целью противодействия подобным преступлениям командование и политотдел Челябинского ОУМ настраивали местные подразделения на повышение уровня оперативной работы, широкое привлечение в помощь милиции общественной, регулярное проведение среди населения массово-разъяснительной работы [Гусак, 2007, с. 83].

Специфика военного времени (в частности, высокая концентрация в городе уголовных элементов и дезертиров, обострение проблемы детской беспризорности) обязывала управление милиции оперативно отслеживать обстановку в городе, совершенствовать методы и формы борьбы с преступностью. При активной помощи партийных и советских органов челябинская милиция принимала посильные меры по соблюдению общественного порядка. Проявляя сознательность, дисциплинированность, инициативу и находчивость ее работники добились определенных результатов. В 1945 г. преступность в городе по сравнению с предыдущим периодом снизилась на 40,4 %. В частности, на 39 % сократились умышленные убийства; на 43,3 % кражи личного имущества. Повысилась раскрываемость преступлений с 70 % до 77,3 %. Снизилась преступ-

ность среди несовершеннолетних с 12 в до 8,2 %. В 1945 г. милицией города ликвидировано 163 грабительских группировок, общей численностью 371 человек, из которых 57 групп были вооружены огнестрельным и холодным оружием. У задержанных преступников было изъято: револьверов и пистолетов — 88 штук, винтовок — 7 штук, холодного оружия — 76 штук, патронов — 307 штук [Раритет, 2020].

Преступные посягательства распространялись на собственность не только физических, но и юридических лиц, особенно продовольственных фондов, разбазаривание которых грозило стать всеобщим распространенным явлением. После появления 6 октября 1942 г. Постановления СНК РСФСР № 685 «О мерах борьбы с растратами и хищениями в торговой сети», хищения, растраты, воровство продовольствия, государственного добра карались жестоко, по законам военного времени.

Характерно письмо, полученное Первым секретарем Челябинского обкома ВКП(б) Н. С. Патолычевым от прокурора области Н. В. Шляева: «Прокуратурой города Златоуста арестован и предан суду заместитель директора завода № 385 Чагин Илья Федорович. Он обвиняется в том, что, работая зам. директора по быту названного завода, систематически разбазаривал фонды рабочего снабжения. Только в течение третьего квартала 1942 года по запискам и распоряжениям Чагина допущен перерасход нормированных продуктов: мяса-рыбы 1200 кг, муки-крупы 1700 кг, жиров 3200 кг, сахара и кондитерских изделий 6200 кг

При обыске на базе и в магазинах было изъято 542 записки об отпуске фондируемых продуктов разным лицам без карточек. Сам Чагин получал в личное пользование продукты и материалы в неограниченном количестве. Запас таких продуктов, вина и остродефицитных товаров находился в рабочем кабинете директора для снабжения близких ему лиц. Имея на складе завода большое количество спецодежды, обуви, мануфактуры и пр., Чагин не принимал никаких мер к созданию нормальных бытовых условий для рабочих завода. На протяжении с 1 января по 1 октября 1942 года на складе находилось обуви 3093 пары, одежды разной 5874 штуки, одеял 5220 шт., постельных принадлежностей 20 055 шт., мануфактуры разной 81 387 метров и мыла хозяйственного 19 182 кг Несмотря на такие возможности, общежития рабочих не обеспечивались постельными принадлежностями, прибывавшие на завод рабочие вместо постели получали завшивленные рогожи, рабочим не выдавалась спецодежда и обувь.

¹ ОГАЧО. Ф. 288. ОП. 6. Д. 223. Л. 69—70.

Такое положение с созданием бытовых условий повлекло массовое дезертирство с завода, особенно молодых рабочих. С 1 января по 1 октября с завода № 385 дезертировало 233 человека. Дело по обвинению Чагина И. Ф. передано областному суду и на днях будет заслушано показательным процессом на заводе № 385 в г. Златоусте» [Вишня, 2009, с. 77—78].

Сведения о проблемах, с которыми сталкивались стражи закона при выполнении директив вышестоящих инстанций, и вариантах их решения можно почерпнуть из внутреннего документооборота. За подписью начальника ОБХСС Главного управления рабоче-крестьянской милиции Наркомата внутренних дел СССР В. Я. Громилова всем сотрудникам аппарата, включая областные подразделения, рассылались сообщения об итогах спецопераций. Одну из них по снятию натуральных остатков на базах и холодильниках пищевой, рыбной, мясо-молочной промышленности и торгов провели в 1943 г. Было охвачено почти полторы тысячи объектов. Общее число зафиксированных недостач продуктов приближалось к 1300 т. Сообщение сопровождалось классификацией наиболее распространенных разновидностей жульничества. Рекомендовалось для профилактики организовывать такие проверки повсеместно¹.

Аналогичные документы готовили начальники отделений ОБХСС ГУМ НКВД. В январе 1944 г. завершилось обобщение результатов рейдов по 480 отделам рабочего снабжения. Было обнаружено завышение обслуживаемого контингента на 134232 человека, что привело к перерасходу фондируемого продовольствия на 610 т. Проверялись также колхозы, машинно-тракторные станции, заготовительные пункты. Все меморандумы снабжались описанием типичных приемов, используемых с целью присвоения государственных средств². Практическая и методическая значимость подобной аналитики убеждает в ее непредвзятости и отсутствии попыток «лакировки» действительности.

В записке начальника милиции ГУ НКВД СССР А. Г. Галкина заместителю наркома НКВД С. Н. Круглову, датированной 18 апреля 1944 г., содержался отчет о ходе реализации постановления ГКО от 22 января 1943 г. «Об усилении борьбы с расхищением и разбазариванием продовольственных и промышленных товаров» Для обуздания воров и казнокрадов предлагались неординарные шаги: от введения на базах Заготзерно, элеваторах, мельницах и совхозах должности коменданта, ответственного за сохранность про-

дукции³, до распространения практики взыскания причиненного ущерба в многократном размере не только на мелких «несунов», но и на руководителей, по распоряжению которых растаскивались товары. Аргументировалась целесообразность передачи карточных и контрольно-учетных бюро, занимавшихся распределением «кормовых бумаг» среди населения, от Наркомторга Госбанку с тем, чтобы внедрить процедуру их инкассации подобно денежной выручке в магазинах. Высказывалась идея проводить не выборочное, а сплошное взвешивание вагонов с хлебом при погрузке и выгрузке на железнодорожном и водном транспорте. Хотя большинство нововведений не было принято из-за роста социальных издержек в условиях войны, высших офицеров милиции нельзя считать только послушными исполнителями рутинных инструкций. Очевидно, что они стремились проявлять и инициативу, и профессиональную выучку [Пасс, 2019, с. 51].

Появляются изощренные формы злоупотреблений в так называемых закрытых столовых. Вот одно из донесений:

«В производстве ОБХСС облуправления милиции имеется уголовное дело по обвинению Мартыновой. Дело возбуждено 18 января 1943 г. Мартынова работала заведующей столовой Челябинского свиностреста, овцестреста, мясомолтреста системы Наркомата совхозов. Столовая юридически оформлена не была, не зарегистрирована в торговой инспекции, не имела лицевого счета в Госбанке, утвержденных штатов и т. д. Руководство столовой состояло из трех работников треста, которые и ввели систему пропусков и установили количество столоующихся.

Нормы отпуска продуктов нарушались — все работники трестов, пользуясь этой столовой и получая фондовые продукты, кроме того, отоваривали свои карточки, а руководящие работники пользовались еще и столовой обкома. В столовой, кроме обедов, раздавали мясо, ежедневно — молоко, к Новому году — поросят и т. д. Все это выдавалось безучетно и бесплатно. Так, к Новому году были выданы поросята, окорока, масло, за которые до сих пор никто не уплатил. За талоны на обеды платили не в кассе столовой, таковой вообще не было, а членам тройки по организации столовой, выручку последние не сдавали в Госбанк.

Все это создавало возможность похищать продукты. У Мартыновой при обыске изъято 200 кг мяса, установлено, что она продавала его в больших количествах разным лицам, похитила 4 пуда

³ Эта должность существовала в первой половине 1930-х гг., но по завершению коллективизации была упразднена. (прим. автора).

¹ ГАРФ. Ф. 9415. Оп. 5. Д. 91. Л. 132—134.

² Там же. Л. 139—141, 156, 154.

муки...» И это при том, что рядом пухли и умирали от голода целые семьи. Люди ели, что придется, что дадут [Вишня, 2009, с. 80].

В докладе заместителя Прокурора РСФСР А. А. Болдырева за 1944 г. о борьбе его ведомства с растратами и хищениями социалистической собственности, охарактеризованы способы воровства выпечки с хлебозаводов. Вывезти продукцию можно было исключительно через весовую, где персонал меняли чуть ли не ежедневно во избежание сговора. Поэтому придумывались изощренные ходы. Например, при въезде на предприятие сообщники злоумышленников прятались за поддонами в пустом автофургоне или под его днище укладывались холостые артиллерийские снаряды. После взвешивания люди вылезали, балласт выбрасывался, и машина облегчалась. Разницу в весе затем компенсировали неучтенным хлебом. За один рейс недобросовестные экспедиторы «прикарманивали» до полутора центнеров дефицитного продукта¹. Как правило, подобные деликты выявлялись с помощью внедренных на предприятие агентов-осведомителей.

Таким образом, несмотря на беспрецедентные вызовы военного времени, защита собственности

юридических и физических лиц от преступных посягательств являлась одной из приоритетных задач для органов власти Южного Урала. Стремительное ухудшение материального положения граждан, которое к тому же усугублялось пренебрежением, а порой и безответственным подходом со стороны некоторых чиновников к бытовому обслуживанию и снабжению людей товарами первой необходимости, привело к всплеску девиантного поведения среди населения, что создавало угрозу обеспечения «социалистической законности». К другим факторам, осложнившим положение в регионе, можно отнести: перебои в торговле; использование некоторыми руководителями своего служебного положения для теневого перераспределения жизненно важных ресурсов; несовершенство контрольно-ревизионного аппарата; значительный приток эвакуированных.

Органы правопорядка, в целях пресечения незаконных действий, использовали весь арсенал доступных им средств и методов. Однако перегруженность оперативной работой и острый недостаток кадрового состава при необходимости соблюдения жестких сроков расследования хозяйственных правонарушений снижали эффективность их усилий.

¹ ГАРФ. Ф. 461. Оп. 8. Д. 417. Л. 89 — 111, 127.

Список литературы

1. Вишня, Л. А. Прокуратура Челябинской области: встречаемся у Вечного огня : в 2 т. Т. 1. Мы были солдатами / Л. А. Вишня. — Челябинск : Губерния, 2009. — 223 с.
2. Гусак, В. А. Милиция Южного Урала в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.) / В. А. Гусак. — Челябинск: Челябинский Юридический Институт МВД России, 2007.
3. Дезорганизаторы производства — пособники врага // Златоустовский рабочий. 1943. — 25 мая.
4. Зинич, М. С. Будни военного лихолетья / М. С. Зинич. — Вып. 1. — М., 1994. — 128 с.
5. Корнилов, Г. Е. Уральское село и война (проблемы демографического развития) / Г. Е. Корнилов. — Екатеринбург, 1993. — 175 с.
6. Население Урала в XX веке. — Екатеринбург, 1996. — 209 с.
7. Обзор важнейших приказов Прокурора СССР 1941—1944 гг. : пособие для районных и городских прокуроров освобожденных областей. — М., 1945. 87 с.
8. Палецких, Н. П. Социальные ресурсы и социальная политика на Урале в период Великой Отечественной войны / Н. П. Палецких. — Челябинск, 2007. — 167 с.
9. Пасс, А. А. Судопроизводство по делам об экономических преступлениях в годы Великой Отечественной войны / А. А. Пасс // Журнал правовых и экономических исследований. — 2020. № 4. — С. 129 — 138.
10. Пасс, А. А. Об экономической преступности в СССР в 1941—1945 гг. (по документам архивных фондов ГАРФ) / А. А. Пасс // *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. — 2019. — № 2. — С. 50—58.
11. Пасс, А. А. Русскоязычная историография об экономической преступности в СССР в годы Великой Отечественной войны / А. А. Пасс // Гуманитарно-педагогические исследования. — 2019. — Т. 3, № 3. — С. 26—45.
12. Пасс, А. А. Современная англоязычная историография об экономической преступности в СССР в 1941—1945 гг. / А. А. Пасс // *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. — 2019. — № 2. — С. 90—98.

13. Потемкина, М. Н. «Выковыренные»: личностное восприятие эвакуации в годы Великой Отечественной войны : монография / М. Н. Потемкина. — Магнитогорск : Изд-во Магнитогорск. гос. техн. ун-та им. Г. И. Носова, 2016. — 152 с.

14. Челябинская милиция в годы войны // Раритет. История Южного Урала. — URL:http://raritetchel.ucoz.ru/load/dokumenty_i_materialy/materialy_po_istorii_cheljabinskoj_milicii/cheljabinskaja_milicija_v_gody_vojny/16-1-0-87 (дата обращения: 29.12.2020)

15. Старков, А. В. Советская юстиция в период Великой Отечественной войны: историография вопроса / А. В. Старков // Российская история. — 2020. — Вып. 3. — С. 95—107.

16. Уголовный Кодекс РСФСР. — М., 1926. — Ст. 107.

17. Moskoff, W. The Bread of Affliction / W. Moskoff. — Cambridge, 1990. — 256 p.

Сведения об авторе

Аполовников Андрей Анатольевич — аспирант кафедры политических наук и международных отношений Челябинского государственного университета, старший преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин частного образовательного учреждения высшего образования «Международный институт дизайна и сервиса», Челябинск, Россия. a_ancifer@mail.ru

Magistra Vitae: online journal of historical sciences and archeology.
2021. No. 1. P. 26—36.

Property Interests of Individuals and Legal Entities as an Object of Criminal Encroachments during the Great Patriotic War

A.A. Apolovnikov

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, a_ancifer@mail.ru

*The research was carried out with the financial support of the Russian Foundation
for Basic Research in the framework of the scientific project No. 19-09-00185.*

The article considers the features of the fight against criminal encroachments on the property of individuals and legal entities in the Chelyabinsk region during the Great Patriotic War. The violation of the rules of Soviet trade is explained by the shortage of basic necessities caused by the restructuring of the national economy of the region in a military manner and a large influx of evacuees and refugees. The status of the Chelyabinsk Region as a key railway hub influenced a significant increase in the number of civilian and military trains, leading to an unprecedented growth in deserters in the Southern Urals, which was undoubtedly one of the key factors in rampant criminal acts against the property of both individuals and legal entities. The research shows the work of local authorities aimed at eliminating the causes, countering and preventing speculation and other criminal encroachments on property interests. The author concludes that the scope of the relevant tasks of the special services during the war significantly exceeded their capabilities.

Keywords: *Great Patriotic War, Southern Urals, speculation, criminal encroachments, property interests, counteraction to illegal trade operations.*

References

1. Vishnja L.A. *Prokuratura Cheljabinskoj oblasti: Vstrechaemsja u Vechnogo ognja. T.1. My byli soldatami* [Prosecutor's Office of the Chelyabinsk region: We Meet at the Eternal Flame. Vol. 1. We Were Soldiers]. Chelyabinsk, Guberniya, 2009. 223 p. (In Russ.).

2. Gusak V.A. *Milicija Juzhnogo Urala v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (1941—1945 gg.)* [The Militia of the Southern Urals during the Great Patriotic War (1941—1945)]. Chelyabinsk: Chelyabinskij Yuridicheskij Institut MVD Rossii, 2007. Pp. 53—83. (In Russ.).

3. *Dezorganizatory proizvodstva-posobniki vraga* [Disorganizers of Production-Accomplices of the Enemy]. *Zlatoustovskij rabochij* [Zlatoust worker], 1943, 25 May, p. 3. (In Russ.).

4. Zinich M.S. *Budni voennogo liholetja* [Everyday Life of Military Hard Times]. Iss. 1. Moscow, 1994. 128 p. (In Russ.).

5. Kornilov G.E. *Uralskoe selo i vojna (Problemy demograficheskogo razvitija)* [Ural Village and War (Problems of Demographic Development)]. Ekaterinburg, 1993. 175 p. (In Russ.).

6. *Naselenie Urala v XX veke* [Population of the Urals in the 20th Century]. Ekaterinburg, 1996. 209 p. (In Russ.).
7. Obzor vazhnejshih prikazov Prokurora SSSR 1941—1944 gg. Posobie dlja rajonnyh i gorodskih prokurorov osvobodzhennyh oblastej. [Review of the Most Important Orders of the Prosecutor of the USSR 1941—1944. Manual for District and City Prosecutors of the Liberated Regions.]. Moscow, 1945. 87 p. (In Russ.).
8. Paleckih N.P. Socialnye resursy i social'naja politika na Urale v period Velikoj Otechestvennoj vojny. [Social Resources and Social Policy in the Urals during the Great Patriotic War.]. Chelyabinsk, 2007. 167 p. (In Russ.).
9. Pass A.A. Sudoproizvodstvo po delam ob jekonomicheskikh prestuplenijah v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [Legal Proceedings in Cases of Economic Crimes during the Great Patriotic War]. Zhurnal pravovyh i jekonomicheskikh issledovanij [Journal of Legal and Economic Research], 2020, no. 4, pp. 129—138. (In Russ.).
10. Pass A.A. Ob jekonomicheskoy prestupnosti v SSSR v 1941—1945 gg. (po dokumentam arhivnyh fondov GARF) [Economic Crime in the USSR in 1941-1945 (According to the Documents of the GARF Archive Funds)]. *Magistra Vitae: jelektronnyj zhurnal po istoricheskim naukam i arheologii* [Magistra Vitae: electronic journal of historical sciences and archeology], 2019, no. 2, pp. 50—58. (In Russ.).
11. Pass A.A. Russkojazychnaja istoriografija ob jekonomicheskoy prestupnosti v SSSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [Russian-Language Historiography about Economic Crime in the USSR during the Great Patriotic War]. *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovanija* [Humanitarian and pedagogical research], 2019, vol. 3, no. 3, pp. 26—45. (In Russ.).
12. Pass A.A., Sovremennaja anglojazychnaja istoriografija ob jekonomicheskoy prestupnosti v SSSR v 1941—1945 gg. [Modern English-Language Historiography about Economic Crime in the USSR in 1941—1945]. *Magistra Vitae: jelektronnyj zhurnal po istoricheskim naukam i arheologii* [Magistra Vitae: electronic journal of historical sciences and archeology], 2019, no. 2, pp. 90—98. (In Russ.).
13. Potemkina M.N. «Vykovyrennyje»: lichnostnoe vosprijatie jevakuacii v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [“Vykovyrennyje”: Personal Perception of Evacuation during the Great Patriotic War]. Magnitogorsk, Izdatel'stvo Magnitogorskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta im. G.I. Nosova, 2016. P. 152. (In Russ.).
14. Cheljabinskaja milicija v gody vojny [Chelyabinsk Police during the War]. *Raritet. Istorija Juzhnogo Urala* [Rarity. History of the Southern Urals]. Available at: http://raritetchel.ucoz.ru/load/dokumenty_i_materialy/materialy_po_istorii_cheljabinskoj_milicii/cheljabinskaja_milicija_v_gody_vojny/16-1-0-87, accessed 29.12.2020. (In Russ.).
15. Starkov A. V. Sovetskaja justicija v period Velikoj Otechestvennoj vojny: istoriografija voprosa [Soviet Justice during the Great Patriotic War: Historiography of the Issue]. *Rossijskaja istorija* [Rossijskaja istorija], 2020, iss. 3, pp. 95—107. (In Russ.).
16. *Ural v panorame XX veka* [The Urals in the Panorama of the 20th century]. (In Russ.).
17. *Ugolovnyj Kodeks RSFSR* [Criminal Code of the RSFSR]. Moscow, 1926. Art. 107. (In Russ.).
18. Moskoff W. *The Bread of Affliction*. Cambridge, 1990. 256 p.